

Вокзал гудел. Черные от копоти и дыма составы со следами от снарядов то и дело громыхали перед Тониным лицом. Хрупкая смуглянка лет четырнадцати-пятнадцати со смешными короткими косичками с вплетенными в них алыми ленточками робко стояла на многолюдном перроне. Был май 1945 года. Тоня знала, что в это время наша армия гнала фашистов по Европе, «выметая» опостылую нечисть не только из отдаленных от родной земли уголков, но и из обожженных войной людских сердец. Наши солдаты освобождали пленников концлагерей, тех немногих полуживых людей, которым пришлось хуже всего.

Тонин отец с войны не вернулся. В 1943 году мать девочки получила серый конверт-похоронку на него. Евдокия Сергеевна стойко пережила потерю, но только этот чудовищный конверт с тех пор не просыхал от ее слез. Тоня знала, что отец погиб, исполняя свой человеческий и гражданский долг, не пропустил врага, закрыл собой товарищей в бою и навсегда остался в их и Тониной памяти героем.

Военные годы девочка с матерью провели в Кемеровской области, в тылу. Они работали на авиационном заводе, помогали фронту. Тоня привыкла вставать очень рано и ложиться поздно, понимая, что ее труд, как и труд многих других женщин и детей, работавших в тылу, поможет солдатам на фронте справиться с врагом. Война украла детство девочки, растоптала первые мечты, заставила голодать, страдать и довольствоваться малым. Тоня помнила, как единственным угощением в их бедном доме долгое время был кипяток и кусочек серого хлеба. Но война научила Тоню, как и многих других детей того времени, не сдаваться, жить вопреки лишениям и трудностям, уважать само слово «хлеб» и беречь каждую его крошечку. Вера в любовь и справедливость никогда не покидала девочку и ее мать. Больше всего Тоня хотела, чтобы война закончилась и никогда не повторилась. Девочка верила в победу и каждый день ждала вестей с фронта.

Как-то морозным вечером в конце 1944-го, возвращаясь домой в прохудившихся валенках, Тоня обморозила обе ноги, у нее начались проблемы с суставами, и Евдокия Сергеевна приняла решение перебраться на Ставрополье, к двоюродной сестре, тоже вдове с пятью ребятишками.

Тоня очутилась на большом вокзале впервые. Она не знала, как себя вести здесь, среди большого количества людей. Замкнутая от природы, но честная и упертая, она пыталась поддержать ногой разваливающийся дореволюционный чемодан со сломанным замком. Крышка чемодана постоянно открывалась с каким-то квакающим звуком, вещи выпадали на перрон, Тоня, наклоняясь, их подхватывала и была ужасно смущена. Ну зачем мать оставила ее одну, юную, неопытную, на этом людном перроне, побегав разыскивать встречающую их сестру? Тоня готова была разрыдаться. Она почувствовала, как среди людей, стоящих на вокзале, пронеслась волна какого-то движения, волнения, восторга. Все словно закружилось вокруг нее. Она пока еще не понимала, что это. Но сердце девочки уже трепетало в ожидании большой новости. Стараясь справиться с вихрем нахлынувших эмоций, Тоня вдруг почувствовала, как ее кто-то легонько толкнул.

– Ну-ка, дай-ка пройди! Чего раззепенилась, как барыня!

Тоня оглянулась. На нее пристально смотрел солдат, совсем еще мальчишка лет семнадцати-восемнадцати. В его небесно-голубых глазах играли солнечные зайчики, русые волосы были красиво уложены, а на груди гимнастерки красовались два ордена. В руке мальчишка держал котелок с водой, от которого струился пар.

– Вот, выскочил из вагона на минутку за кипятком, а тут ты стоишь и... победа! Конец войне! Наша, слышишь, победа, а тут ты... такая!

Тоня смутилась и затрепетала одновременно. Как победа?! А она и не знала! А мама знает ли? И этот юный солдатик... Кто он? И тут Тоня заплакала. Так громко, навзрыд, давясь слезами, как будто хотела выплакаться за все эти четыре страшных года, изливая из себя всю боль потерь и сломленных судеб.

– Ну что ты, родная! – вдруг сменил тон парнишка. – Ну-ка, поддержи котелок! – Он ловко достал синенький ситцевый платочек и утер Тоне слезы.

– Это же победа! А дальше будет жизнь. Будем жить, слышишь! – И, наверное, всеми силами стараясь успокоить Тоню, добавил: – Замуж за меня пойдешь?

Тоня так и застыла с котелком в руках.

– Я те дам замуж! Шустрый какой нашелся! – прикрикнула откуда-то появившаяся Евдокия Сергеевна. – Не расхолаживай мне дочку, служивый!

– Я не со зла, тетя! – смутился солдатик. – Больно дочка у вас хорошая и родная, как... наша победа!

И Евдокия тоже заплакала, улыбаясь, глядя на изумленную Тоню и этого светловолосого героя, принесшего им весть о победе.

– Как зовут тебя, солдат? – спросила Евдокия Сергеевна.

Но парень не успел ответить. Откуда-то сверху прокричали: «Петро! Давай сюда! Отправляемся!» Рядом с Тоней качнулся вагон, в котором сидели солдаты. Две пары рук высунулись и помогли парню вскочить в уже тронувшийся состав. И Тоня побежала.

– Ты котелок забыл, солдатик, родной! – кричала Тоня.

А он ей:

– Меня Петром зовут, я родом из Казьминок, к мамке возвращаюсь. Ты пиши!

Тоня едва успевала за лязгающим составом.

– А адрес где?

– Пиши, – кричал Петр. – Мы обязательно поженимся и дочку Валюшей назовем, как мою сестричку из медсанбата!

Состав набирал скорость, и последние слова Петра уже еле-еле различил Тонин слух. Она еще долго бежала за уходящим поездом, вопрошая в неизвестность: «Где же адрес?»

Вдруг Тоня поняла, что держит в руках котелок и еще что-то. Это был синенький ситцевый платочек, а в нем – маленький конвертик с адресом Петра.

Через несколько лет они действительно встретились: Антонина Григорьевна и герой Великой Отечественной войны Петр Степанович Шевченко. У них родилась дочь Валечка, моя любимая бабушка, мой большой друг и самый активный читатель!